

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-802-812

EDN: RBFQNI

УДК 821.161.1:82.09

Научная статья / Research article

Мухтар Ауэзов и Иван Тургенев

Г.Ж. Прали^{ID}✉, Д.А. Кунаев^{ID}

Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Алматы, Казахстан

✉diar.kunayev@gmail.com

Аннотация. Цель – анализ не известных ранее материалов научного и критического наследия Ауэзова, в которых отражена история изучения казахской литературы и ее связи с литературными традициями других народов. Статья является продолжением исследовательской работы, связанной с изучением творческого наследия М.О. Ауэзова, и отличается новизной и актуальностью. В ней впервые рассматривается влияние произведений И.С. Тургенева на творчество казахского классика. Исследуется направление, ранее не подвергавшееся глубокому анализу: духовные истоки, питавшие Ауэзова, вдохновлявшие и наполнявшие его творческой энергией. Помимо национальной литературы, важную роль сыграла и мировая, в том числе русская классическая литература. Подчеркивается, что Ауэзов считал Тургенева своим учителем, который расширил его мировоззрение и оказал воздействие на его писательский стиль. Авторы изучают влияние Тургенева на творчество Ауэзова, открывая перспективы для новых исследований. Рассматривается переводческий опыт Ауэзова, его научные выводы в данной сфере. Мухтар Ауэзов знакомил казахского читателя с лучшими произведениями мировой литературы, его переводы русской классики подняли уровень художественного перевода в Казахстане. Работа способствует дальнейшему изучению литературных взаимосвязей, углублению понимания влияния русской классики на Ауэзова, его роли в культурном процессе.

Ключевые слова: М.О. Ауэзов, И.С. Тургенев, казахская литература, русская классическая литература, литературные взаимосвязи, художественный перевод, влияние, критическое наследие, мировая литература, исследование

Вклад авторов. Разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, их анализ, написание и редактирование статьи – Г.Ж. Прали и Д.А. Кунаев. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 августа 2025 г.; отрецензирована 15 сентября 2025 г.; принята к публикации 18 сентября 2025 г.

© Прали Г.Ж., Кунаев Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Прали Г.Ж., Кунаев Д.А. Мухтар Ауэзов и Иван Тургенев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 802–812. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-802-812>

Mukhtar Auezov and Ivan Turgenev

Gulziya Zh. Prali^{id}✉, Diar A. Kunayev^{id}

M. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Republic of Kazakhstan

✉diar.kunayev@gmail.com

Abstract. The aim continues the research on the creative legacy of M.O. Auezov, presenting new and relevant insights. It is the first study to examine the influence of I.S. Turgenev's works on the Kazakh literary classic. The article analyzes previously unknown materials from Auezov's scholarly and critical heritage, which reflect the history of Kazakh literature and its connections with the literary traditions of other nations. The study explores a previously unexamined area: the spiritual sources that nourished, inspired, and energized Auezov creatively. Alongside national literature, world literature – particularly Russian classical literature – played a crucial role. The article emphasizes that Auezov regarded Turgenev as a mentor who broadened his worldview and influenced his writing style. The authors investigate Turgenev's impact on Auezov's works, opening avenues for further research. Additionally, Auezov's experience as a translator and his scholarly contributions in this field are examined. By introducing Kazakh readers to masterpieces of world literature, his translations of Russian classics elevated the standards of literary translation in Kazakhstan. This study contributes to the further exploration of literary connections, deepening the understanding of Russian classics' influence on Auezov and his role in the cultural process.

Keywords: M.O. Auezov, I.S. Turgenev, Kazakh literature, Russian classical literature, literary connections, literary translation, influence, critical heritage, world literature, research

Authors' contributions. Research concept development, data collection & analysis, manuscript writing & editing – Gulziya Zh. Prali, Diar A. Kunayev. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 18, 2025; revised September 15, 2025; accepted September 18, 2025.

For citation: Prali, G.Zh., & Kunayev, D.A. (2025). Mukhtar Auezov and Ivan Turgenev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 802–812. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-802-812>

Введение

Выдающийся казахский писатель, общественный деятель М. Ауэзов является не только автором многочисленных рассказов и повестей, в том числе и наменитого романа «Путь Абая», но и переводчиком русской литературы на казахский язык. Он много сделал для того, чтобы познакомить казахскую аудиторию с лучшими образцами русской и мировой литературы, рассматривая

проблему художественного перевода как составную часть общего литературного дела.

Переводы, несомненно обогатили его собственное творчество, повлияли на его творческий рост. М. Ауэзов перевел на казахский язык произведения мастеров художественного слова мировой литературы: очерк Л. Толстого «Будда», рассказы «После бала», «Булька», рассказы А.П. Чехова «Белолобый» и Джека Лондона «Белый клык», Ю. Вагнера «Рассказы о происхождении Земли», пьесу И. Прута «Князь Мстислав Удалой», пьесу Н. Погодина «Аристократы», трагедию Шекспира «Отелло», комедию «Укрощение строптивой» и роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». Несомненно, этими работами М. Ауэзов поднял художественный перевод в Казахстане на новый уровень.

По мнению казахского писателя, к переводу следовало относиться со всей серьезностью и знанием основ переводческого дела. Переводить следовало только самые лучшие и образцовые труды. В этой связи вспоминаются слова русского писателя и переводчика Алексея Пантиелева (1997, с. 117), который писал: «...Судя по всему, Ауэзов переводил тех мастеров, у которых учился. Это была школа прежде всего драматургического мастерства. Учиться Ауэзов умел».

Среди переведенных им произведений особенно дорог был роман Ивана Сергеевича Тургенева «Дворянское гнездо» (1859). Поиск ответа на вопрос о причине такого выбора приводит к воспоминаниям И. Брагинского, одного из близких друзей М. Ауэзова, который свидетельствует о его признании, что в юности из всех русских классиков больше всего он любил И. Тургенева.

В очерке «Ученый-поэт» Иосифа Брагинского (1997) читаем: «...И наконец еще об одном разговоре, у больничной койки. М. Ауэзов очень страдал, но, как всегда, был бодр и говорил не о болезни, а о своих думах, о волновавшем его вопросе – о взаимовлиянии и взаимообогащении литератур:

„Вот будете, возможно, и вы писать о влиянии, которое оказала на меня русская литература. Правильно, огромное, ни с чем не сравнимое влияние. Но какой его характер, как оно проявляется? Назовете, конечно, М. Горького, назовете Л. Толстого. И это тоже верно. Но знаете ли вы, кто оказал на меня самое большое влияние? Не догадаетесь! Тургенев. Вы не смотрите, что на поверхности, может быть, этого влияния и не видно. Литературное влияние – это не простая вещь, его только упрощенцы думают руками схватить и показать, смешивая влияние и подражание. Творческое влияние происходит где-то в глубине, проникает в самую душу писателя, делается его второй природой и проявляется как-то по-своему, по-особому, не всегда заметно для невооруженного взгляда. Вот так и Тургенев, а ведь его-то я больше всех и любил смолоду“.

Мухтар Ауэзов только коснулся этого вопроса как часто бывает, о чем-то очень дорогом не хочется говорить; он перешел к другим темам.

Мне не приходилось ни у него, ни у других авторов, пишущих о нем, встречать что-либо в этом роде, о роли Тургенева в творчестве М. Ауэзова.

Разве один раз. В своей статье о работе над „Абаем“ он писал, что в конфликте тринадцатилетнего Абая и его отца Кунанбая нашел пружину для

развертывания событий в нескольких последующих главах. Отец и сын, противопоставленные в романе как антиподы, дали мне возможность увидеть тугой пружинящий узел сложных людских отношений...».

Результаты и обсуждение

Тема взаимосвязи И.Тургенева и М. Ауэзова требует глубокого осмысления. Задумываешься, почему старый русский писатель Иван Новиков, написавший книгу о мастерстве Тургенева, не смог удержаться от того, чтобы не начать разговор на эту тему стихами! Трудно, видимо, иначе высказаться о поэзии тургеневской прозы. И приходит в голову мысль – не в этой ли особой, тургеневской поэтичности заложен источник влияния на молодого Ауэзова? Может быть, «Стихотворения в прозе» помогут нам лучше воспринять всю прелесть четырех томов поэтической прозы ауэзовского «Абая»? (Брагинский, 1997).

Однако писатель в статье «Как я работал над романом „Абай“» уточняет: «Кроме того, я внимательно ознакомился с опытом создания исторического романа в советской и мировой литературе и особенно романа о творческой личности.

Я учитывал требования нашей критики к такого рода произведениям: воспроизводя жизнь и деятельность того или иного поэта или писателя, не следует ограничивать круг идей своего романа только личностью героя. Надо также отражать эпоху и народ в его исторических устремлениях в грядущее»¹.

В самом деле тема отношения М. Ауэзова к И. Тургеневу, почитания его как своего учителя в казахском литературоведении до сих пор специально не рассматривалась. Естественно напрашивается вопрос, в чем же секрет духовной близости двух творческих личностей, ведь это тайна созвучности художественного и профессионального мастерства. Кажется, об этой внутренней привязанности великого писателя к И. Тургеневу не знала даже работавшая с ним рядом всю сознательную жизнь З.С. Кедрина. Тесно знакомая с творческой жизнью М. Ауэзова, знавшая все тайны и нюансы, планы и загадочный мир его творчества, З. Кедрина (1964, с. 114) писала в статье «Творческий подвиг»: «...Чехов, Горький, Пушкин, Толстой – творческие учителя Ауэзова. Глубоко воспринимает он и влияние западных писателей – Мопассана, Дж. Лондона. Но, жадно впитывая эти влияния, М. Ауэзов остается самим собой».

Кроме того, есть признание самого писателя в автобиографической статье «Сведения о себе», написанной в ответ на вопрос Смагула Садуакасова: «<...> Из русских писателей явно люблю Толстого, Достоевского. Если не копаться в человеческой душе, как копались они, – нет смысла в писательстве вообще <...>»².

Вот так тема Тургенева в мухтароведении становится еще более загадочной, читатель глубже погружается в мир, полный тайн и недомолвок.

¹ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 30. Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 103.

² Ауэзов М. Сведения о себе. Рукописный фонд НКЦ «Дом Ауэзова», п. 382, л. 1–6.

Тема Тургенева у М. Ауэзова изначально была наполнена мистикой и тайной. К примеру, в статье ученого-мухтароведа, академика Заки Ахметова говорится: «...При рассматривании текста поэмы Абая „Масгут“, сопоставляя разные варианты и сведения, Мухтар Ауэзов обратил внимание на одну особенность. В одной из рукописей Мурсеита (эта рукопись в то время хранилась в личной библиотеке Мухана, он ее иногда приносил показать), кажется, было слово „Тургенев“, он решил выяснить его смысл. В рукописи слово „Тургенев“ было написано сверху другими чернилами. Как бы то ни было, оказалось, что это слово было написано не просто так. В ходе изучения выяснилось, что сюжет первой части поэмы „Масгут“ (о выборе Масгута между мудростью, богатством и женщиной) точь-в-точь совпадает с сюжетом произведения И.С. Тургенева „Восточная легенда“ с начала до конца. Конечно, из-за этого никто не пришел к заключению, что поэма Абая является переводом произведения Тургенева. Просто выяснилось, что основой для обоих произведений послужила одна и та же „Восточная легенда“» (Ахметов, 1996, с. 134–144).

Изучение М. Ауэзовым И.С. Тургенева – а он придавал этому вопросу большое значение – всю сознательную жизнь преданно учившегося у него, похоже, постепенно превратило творчество И.С. Тургенева в некий идеал для М. Ауэзова. Это очень непростая тема, требующая глубокого изучения в перспективе. Наша задача в данной статье заключается лишь в том, чтобы лишь поделиться волнующими научными гипотезами. Предполагаем, что наиболее правильным будет начать изучение вопроса с исследования опыта перевода М. Ауэзовым романа И. Тургенева «Дворянское гнездо» на казахский язык³.

Сразу после публикации перевода романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (перевод впервые был опубликован в нескольких номерах журнала «Литература и искусство» в 1952 г., в 1968 г. – в виде отдельной книги и сборниках произведений писателя) автор публикует статью «О переводе романа „Дворянское гнездо“» в журнале «Литература и искусство». В статье говорится о том, что давней мечтой писателя было углубление в мастерство писателя через перевод этого произведения, желание учиться на опыте Тургенева как автора романа, который в истории русской литературы считается поэмой в прозе. Рассуждая об изысканиях, требованиях и художественном вкусе в процессе перевода этого романа, он придает большое значение роли и задачам перевода в росте и обогащении национальной литературы, пропагандировании и доведении ее до мирового уровня: «...Но до сих пор нет точного ответа на такие одновременно и научные, и творческие вопросы о том, как „сделать художественный перевод, чтобы получилось, как задумано“. Было бы хорошо, если бы наша переводческая деятельность проверялась, учитывались бы наши успехи и недостатки в переводе. С ростом количества переводческих работ возрастает необходимость в отзывах и заключениях относительно опыта перевода»⁴.

³ Ауэзов М. О переводе романа «Дворянское гнездо» // Литература и искусство. 1952. № 9. С. 7–10.

⁴ Там же. С. 10.

В размышлениях об истории литературы, поэтике, теории перевода Ауэзов утверждал художественный перевод как искусство слова. Перевод есть открытая платформа, где переводчик демонстрирует свой талант и вкус, знания и образованность.

Художник делился мыслями о процессе работы над романом «Путь Абая», его размышления о конфликте поколений связаны с экзистенциальными проблемами в романах И. Тургенева «Отцы и дети» и Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». Нет сомнения в том, что поэтическая проза, пафос, волшебство и тайна языка и стиля, полных высокого вдохновения в романе-эпопее М. Ауэзова «Путь Абая» порождены восхищением романом «Дворянское гнездо», желанием учиться писательскому опыту И. Тургенева. Содержания, композиции, сюжет и стиль М. Ауэзова несомненно испытали влияние романа И. Тургенева «Дворянское гнездо».

Следующие заключения М. Ауэзова: «Дворянское гнездо» – не исторический роман. Это роман, описывающий процесс, связанный с судьбой слабеющих, уже теряющих силу русских дворян», – напоминают состояние изжившей себя культуры кочевого народа и судьбу новых персонажей, которые начали интересоваться проблемами человечности и морали в жизни общества. Невозможно не заметить сходство в описании волнения и самых светлых переживаний человека, соскучившегося по дому, в картине возвращения Лаврецкого в родные места в романе «Дворянское гнездо», и чувств совсем еще молодого Абая, возвращающегося в родной аул после учебы. Оценка таланта автора «Дворянского гнезда», данная М. Ауэзовым как ученым-литературоведом, стоит особого внимания: «Этот роман Тургенева в истории русской литературы называют поэмой в прозе. Роман полон лирики, ни в одном другом произведении Тургенев не раскрывал свое внутреннее Я так, как в романе „Дворянское гнездо“. Здесь особенная художественная лирика посвящена красоте природы, природа созвучна настроению в душе Лаврецкого, она словно тоскует вместе с ним. Герой романа и природа, будто переплелись и существуют рядом, вместе. Читающее русское общество с любовью читало этот роман, словно одурманенное такими его особенностями. М. Салтыков-Щедрин, восхищенно оценивая роман, писал: „от каждого звука этого романа веет светлой поэзией“. Добролюбов же, перечисляя качества Тургенева, отмечал, что он „сумел найти самые болезненные струны существования общества“»⁵.

«Путь развития русского языка, начиная с XVIII ст., крестьянская речь Лаврецкого у Тургенева или перевод на русский и казахский язык Шекспира могут ли воспроизводить то далекое время, которое отделяет нас от текста Шекспира с звучанием, которое было соответственно тому времени?». Эти слова М. Ауэзова, сказанные на совещании казахских писателей по вопросам художественного перевода, подчеркивают, что для каждого исторического периода, для каждого писателя характерен свой стиль, у персонажей

⁵ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 30. О переводе романа «Дворянское гнездо». Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 221–227.

имеется характерная только для них особая манера речи, их художественные особенности и историческая ценность переплетаются и создают личный, особенный почерк в искусстве слова⁶.

Нетрудно заметить созвучие в ритмике, преемственность, тесную связь творчества М. Ауэзова и И. Тургенева. Литературоведы отмечали «след» И. Тургенева в творчестве казахского писателя. Эта тема, несомненно, станет одним из лучших начинаний для будущих исследований в мухтароведении. Если прислушаться к словам великого писателя, понимаем, что среди русских авторов ему особенно по душе И. Тургенев, творчество которого он почитал образцом для себя, и убеждаемся в том, что к переводу романа «Дворянское гнездо» он пришел сознательно. Рассказывая о своем опыте перевода романа «Дворянское гнездо», занимающего свои историческое место в мировой литературе и обладающего высокой художественной ценностью, на казахский язык, М. Ауэзов словно подсказывает ответы на наши вопросы: «...изначально я старался в меру моих сил перевести роман точно. Только точный перевод может передать особенности языка, стиля, предложений большого писателя, в этом смысле точный перевод я понимаю как перевод по предложениям, то есть каждому предложению оригинала соответствует предложение перевода. Поэтому, каким бы длинным ни было предложение в романе, оно не прерывается, не дробится, не переводится несколькими предложениями. Как следствие, знаки препинания (пунктуация), присутствующие в русском тексте, так же обильно используются и в казахском тексте. Таким образом, предложения Тургенева и в казахском варианте передаются точно, в соответствии с объемом и длиной в оригинале. Этому есть своя причина. Посредством перевода образца великой русской классической литературы я, переводчик-писатель, стараюсь учиться мастерству этого драгоценного варианта. И особенно точно передавая Тургенева, как есть, стараюсь точно представить нашему читающему сообществу конкретные особенности его языка и стиля. Точная передача предложений напрямую способствует точной передаче стиля писателя. Узнав стиль, можно полностью узнать конкретные особенности, характерные для того или иного автора. Итак, нужно стараться переводить Тургенева его тургеневскими предложениями, Гоголя – характерными для него периодами, Л. Толстого – его многоступенчатыми предложениями, точно так же Шолохова нужно стараться переводить в соответствии с его особенностями строения предложений»⁷.

Не вникнув глубоко в художественный мир литературного произведения, невозможно его хорошо перевести, если мы учтем это, поймем, что в способах и приемах художественного перевода обязательное использование творческого влияния и воздействия – это закономерность. В ходе литера-

⁶ Ауэзов М. Стенограмма совещания писателей Казахстана о состоянии переводческой работы (28.04.1948) // Неизвестное в наследии Мухтара Ауэзова : архивные документы. Алматы : Библиотека Олжаса, 2013. С. 198.

⁷ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 30. О переводе романа «Дворянское гнездо». Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 221–227.

турного процесса открываются возможности для глубокого изучения поэтики оригинального произведения, взвешенного анализа художественных особенностей, погружения в тайну каждого необычного употребления языковых средств, ощущения ценности словарного фонда, освоения языковых, стилистических, художественных, психологических особенностей. Метод сравнительного анализа в теории художественного перевода при этом играет важную роль. Об этом пишет профессор Ж. Дадебай (2011, с. 98): «...художественный перевод – одна из форм существования художественного произведения. А выполнение художественного перевода – творческий труд, равный созданию нового произведения искусства». Также об этом говорит и видный мастер слова Такен Алимкулов (1978): «...Человек, не вдохновленный при выполнении перевода, не пишущий кровью сердца, не способен создать произведение, которое будет долго жить в родном языке».

Заложивший основы казахского переводоведения, получивший признание своими теоретическими заключениями, богатым практическим опытом в этой сфере, М. Ауэзов указывает: «...Если созданный таким образом опыт получится художественным, понравится читателю, значит, мы сумели передать русского классика без фальши, полностью. Так мы обогатим культуру своей речи образцами культуры русского языка, культуры построения предложений самого высокого качества. Все эти цели в нынешний период нарастающего развития художественной прозы казахской советской литературы являются крупными, настоящими основными целями...»⁸, такими словами он затрагивает множество важных проблем. В ауэзовской научно-теоретической концепции о переводе в качестве неизменного требования присутствует условие сохранения художественных характеристик оригинального текста. Сюда относятся требования не отступать от содержания и манеры повествования, идейно-художественных свойств, ритма и созвучности, стиля и особенностей оригинала. В этом отношении следует согласиться с мнением ученого литературоведа Ж. Дадебая, автора учебного пособия «Литературная компаративистика и художественный перевод»: «...Нужно признать, что в предлагаемых М. Ауэзовым правилах есть система. Эту систему можно повторять, дополнять, обогащать, но ее нельзя уничтожить, отрицать. Потому что эта система достаточно обоснована как научно, так и практически» (Дабедай, 2011). Слышавший в студенческие годы от самого Мухтара Ауэзова его теоретические заключения о принципах художественного перевода, о стиле, условиях и требованиях перевода видный литературовед, переводчик Г. Бельгер (2001, с. 65) вспоминал: «...Многие свои основополагающие творческие принципы перевода Мухтар Ауэзов изложил более систематически в 1950 гг. в разных статьях, выступлениях, докладах. Это свидетельствует о том, что вопросы художественного перевода во всех аспектах серьезно

⁸ Ауэзов М. Выступление на Региональном совещании по переводу с русского на языки народов 1958 г. // Материалы Регионального совещания по переводу литературы с русского на языки народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджана (15–18 января 1958 г.). Алматы : Казгослитиздат, 1960. С. 361–365.

волновали М. Ауэзова всю жизнь (сам ведь был опытный переводчик), и некоторые свои теоретические (иногда сугубо субъективные) положения, установив которые он стремился осуществлять на практике. Случалось, сознательно шел на эксперимент, подавляя индивидуальный дар и потенцию. Опыт перевода «Дворянского гнезда» И. Тургенева является наглядным примером поиска максимального адекватности или точности при переводе. В свои студенческие годы мне приходилось слышать из уст Мухтара Омархановича его суждения по этому поводу...».

М. Ауэзов в своей статье делится научными выводами о поэтике и общей теории перевода, а также рассказывает о своем опыте перевода Тургенева: «...Поставив цель передать роман Тургенева в точном соответствии его языку, сохраняя стиль оригинала, мы старались не вкладывать в речь героев романа и его автора казахские пословицы и поговорки и другие языковые средства, словесные узоры, краски, которыми так богат наш язык. ...Короче, считаем ненужным примерять наш национальный тулуп и тымак на произведения Тургенева, переведенные на казахский язык. Вот, уважаемые читатели, в предлагаемом вашему вниманию переводе имеются такие особенности, просим учесть, что это в определенной степени результаты наших научных поисков. Конечно, сообщая читателю эти обстоятельства, вместе с тем напоминаем, что с большой надеждой ожидаем от вас же помощь и поддержку в виде критических замечаний», – так он напоминает, что в будущем в вопросах перевода нужно быть очень внимательным к таким тонкостям. М. Ауэзов отмечает, что «не следует путать точный перевод с буквальным, дословным переводом, так как точный перевод не сводит на нет внесение некоторых изменений с целью не нарушать форму, настроение, смысл драгоценного оригинального текста»⁹.

Заключение

Концепции М. Ауэзова, его принципы и правила, ценные научные выводы и предложения относительно перевода естественным образом созвучны с современными направлениями и основами переводоведения, в этом проявляется их жизнеспособность. Мастера пера, прочитавшие классические произведения мировой литературы, досконально усвоившие извлеченные из богатого профессионального опыта предшественников знания в соответствии со своей природой, талантом, мастерством и знаниями и только после этого представившие свою собственную мелодию, как это сделал М. Ауэзов, среди казахских авторов встречаются нечасто. Авторы, с высоты собственного мастерства умеющих оценивать каждое свое произведение, сохранивших свой узнаваемый почерк, тоже мало.

Известно, что М. Ауэзов, воспитавший свой талант через переводческий опыт, сумевший найти для себя наставников в этом деле, хоть и не

⁹ Ауэзов М. Светлая вершина русской литературы // Мысли разных лет : исследования, статьи. Алматы : Казгослитиздат, 1961. С. 277–279.

рассказывал никому о том влиянии и воздействии, какое оказали на него произведения Тургенева, внутренне признавал его своим учителем. В статье «Светлая вершина русской литературы» М. Ауэзов писал: «...мне кажется, что можно учиться и, в известной мере, на своей национальной литературной почве стать учеником Тургенева, Толстого, Горького и даже Достоевского. ... Для этого надо родиться сходным по своей творческой природе, родственным по внутреннему, глубоко лирическому строю души»¹⁰. Художник предупреждает, что просто учиться у кого-то без полного внутреннего единения с личностью, с которой хочешь брать пример, – занятие пустое. Особенно учиться на примере почитаемого мастера для оттачивания художественного мастерства, повышения своего профессионального уровня можно лишь полностью постигнув природу, поняв его мировосприятие – это естественное явление. Следующие слова Мухтара Ауэзова в статье «Окружение Абая» (Абайдың айналасы) воспринимаются как оценка, определяющая его историческое место в мировом и казахском искусстве слова: «...Берег остается берегом, а русло – руслом. Большое русло и источники, бьющие со дна попутных потоков, – вместе формируют личность великого акына»¹¹.

В этом плане интересна судьба М. Ауэзова. Он является ярким представителем, на творчество которого оказала влияние русская классическая и мировая современная литература. Хотя при этом М. Ауэзов был глубоко национальным, неповторимым и своеобразным художником слова, чье творчество выросло на основе казахского фольклора и предшествующей письменной литературы, а также всей многожанровой литературы Востока.

Обогащению этих традиций помогло глубокое восприятие М. Ауэзовым русской и мировой литературы, которая, не играя доминирующей роли, объективно способствовала наиболее полному и яркому раскрытию таланта казахского писателя.

В связи с этим тема И.Тургенева в творчестве М. Ауэзова до сих пор остается малоизученной и многочисленные вопросы в этом направлении ждут своего исследователя.

Список литературы

- Алимкулов Т. Загадочная душа. Исследования и статьи. Алматы, 1978.
- Ахметов З. Пик гениальности // Егемен Қазақстан. 1996. 22 марта. С. 134–144.
- Бельгер Г.К. Этюды о переводах Ильаса Джансугурова. Алматы : Галым, 2001. С. 65.
- Брагинский И. М. Ауэзов в воспоминаниях современников. Алматы : Жазушы, 1997.
- Дадебай Ж. Литературная компаративистика и художественный перевод : учеб. пособие. Алматы : Қазақ университеті, 2011. С. 98.
- Кедрина З. На языке дружбы : статьи, лит. портреты. М. : Советский писатель, 1984. С. 105–136.
- Кедрина З. Творческий подвиг (Заметки о творчестве М. Ауэзова) // Дружба народов. 1964. № 4. С. 114.
- Пантичелев А. М. Ауэзов в воспоминаниях современников : сборник. Алма-Ата : Жазушы, 1997. С. 117.

¹⁰ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 9. Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 20.

¹¹ Ауэзов М. Полное собрание сочинений : в 50 томах. Т. 9. Алматы : Жібек жолы, 2010. С. 20.

References

- Akhmetov, Z. (1996). Peak of genius. *Egemen Qazaqstan*, March 22, 134–144.
- Alimkulov, T. (1978). *Mysterious Soul. Research and Articles*. Almaty. (In Russ.)
- Belger, G.K. (2001). *Essays on the Translations of Ilyas Zhansugurov*. Almaty: Galym. (In Russ.)
- Braginsky, I. (1997). Mukhtar Auezov in the memoirs of contemporaries. Almaty: Zhazushy. (In Russ.)
- Dadebai, Zh. (2011). *Literary Comparative Studies and Literary Translation: A Textbook* (p. 98). Almaty: Kazakh University. (In Russ.)
- Kedrina, Z. (1964). Creative feat (Notes on the work of M. Auezov). *Druzhba Narodov*, (4), 114. (In Russ.)
- Kedrina, Z. (1984). *The Language of Friendship: Articles, Literary Portraits* (pp. 105–136). Moscow: Sovetskij Pisatel' Publ. (In Russ.)
- Pantielev, A. (1997). *Mukhtar Auezov in the Memoirs of Contemporaries* (p. 117). Alma-Ata: Zhazushy Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Прали Гульзия Жайлауовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; главный научный сотрудник, Научно-культурный центр «Дом М.О. Ауэзова», Республика Казахстан, 050000, Алматы, ул. Тулебаева, д. 185. ORCID: 0000-0003-2645-0918; Scopus ID: 57203548838. E-mail: gulziya053@gmail.com

Кунаев Диар Аскарлович, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; директор, Научно-культурный центр «Дом М.О. Ауэзова», Республика Казахстан, 050000, Алматы, ул. Тулебаева, д. 185. ORCID: 0000-0003-0355-5514. E-mail: diar.kunayev@gmail.com

Bio notes:

Gulziya Zh. Prali, Grand PhD in Philology, Professor, Chief Researcher, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, 29 Kurmangazy St, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Chief Researcher, Scientific and Cultural Center “House of M.O. Auezov”, 185 Tulebaeva St, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-2645-0918; Scopus ID: 57203548838. E-mail: gulziya053@gmail.com

Diary A. Kunaev, PhD in Philology, Chief Researcher, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, 29 Kurmangazy St, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Director, Scientific and Cultural Center “House of M.O. Auezov”, 185 Tulebaeva St, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-0355-5514. E-mail: diar.kunayev@gmail.com